

рии, я находился рядом с радиоприемником и искал удобного случая. Во время уборки Зингер обычно выходил из канцелярии, оставляя радиоприемник включенным на берлинской волне. Он мог появиться в любую минуту. Желание послушать Москву было настолько велико, что однажды я, набравшись решительности, подошел к приемнику и, волнуясь, начал крутить ручку настройки. Тонкая нить поползла по шкале, раздался тихий свист, шорох, шум. Где же она, московская волна? И вдруг послышался торжественный голос Левитана: «От советского информбюро...». Из сообщения я узнал о полном разгроме окруженной группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Я поспешно повернул регулятор настройки на Берлин и стал быстрее заканчивать уборку. Моей радости, казалось, не было предела. Как-то неслышно, тихо, раньше обычного вошел Зингер и мягким тоном спросил:

— Приемник включал?

Отпираться было бесполезно, и я признался. Я торопился уйти, но Зингер задержал меня и сказал:

— Нам надо серьезно поговорить. Ты не бойся меня. Плохого тебе ничего не сделаю.

А затем предупредил о том, чтобы я никогда больше не включал радиоприемник. За слушание — концлагерь, а может быть, и расстрел.

— А теперь хочу тебя порадовать — сказал он, — освобожден твой родной Курск.

Мне хотелось выбежать из канцелярии и закричать на весь зал, в котором находилось шестьдесят курян, о том, что освобожден наш родной город.

В тот вечер Зингер расспрашивал меня о настроении людей в лагере, о моих земляках — курянах, о товарищах. Затем ознакомил меня с «Обращением ко всем советским гражданам, находящимся в Германии», проинструктировал о соблюдении конспирации, о создании подпольной группы. В тот вечер мы решили действовать вместе, но об этом никто не должен знать, даже мои самые лучшие друзья. Руководить подпольной работой Зингер будет только через меня.

Но он еще не знал о том, что подпольная группа в лагере создана и уже действует. Я сообщил ему об этом только через неделю после того откровенного разговора. Эта новость приятно удивила его. Я дал Зингеру лагерные номера подпольщиков, охарактеризовал каждого из них, назвал руководителей подпольных «троек».

Ежедневно, распределяя рабочих согласно заявкам 20 — 30 фирм, Зингер без вмешательства начальника лагеря по своему усмотрению направлял этих подпольщиков с определенной целью. Оказалось, Зингер перевел меня в группу уборщиков не случайно, а чтобы поддерживать со мной ежедневный контакт. Он внимательно присматривался ко мне и незаметно, исподволь, кое-что узнал обо мне от моих односельчан.

К лету 1943 года в подпольной группе было 26 человек. Четко обозначилась ее структура. Она состояла из звеньев, в каждом — по три человека. Руководители «троек» сначала не знали друг друга, тем более — состава всей подпольной организации. Они знали только меня. Взаимодействие между ними было четко налажено. Помогало и то, что активисты были моими земляками и понимали друг друга с полуслова. Для соблюдения конспирации существовал такой порядок: никто из членов подпольной организации не знал того, что его не касается.

Л. Кожанкова

Повзрослели они до поры

Вторая мировая тяжелым бременем легла на плечи детворы. В каждый дом вошли голод, смерть, слезы, перечеркнув счастливое беззаботное детство: мальчишки и девчонки стали подневольными жителями оккупированных территорий, узниками концлагерей, детьми полков, ударниками труда в глубоком тылу, минерами на освобожденных от врага землях, засеянных металлом. Да, и в разминировании полей участвовали дети. Они тоже подлежали своего рода мобилизации согласно таким военным документам, как, например, постановление Госкомитета обороны СССР (за подписью Сталина и Молотова) о формировании при каждом райсовете Осавиахима освобожденных от оккупации областей команд из подростков не моложе 15 лет для привлечения их к разминированию, сбору вооружения и боеприпасов на полях сражений. Только в Курской области с 1943 по 1946 год было подготовлено почти шесть с половиной тысяч юных бойцов — минеров, из которых сформировали 64 спецкоманды. Мальчишками и девчонками было разминировано более двухсотпятидесяти тысяч гектаров нашей земли, обезврежено свыше семисот тысяч